

Беда — эпизод 2 из 2

Пятидневное беспутство простится мне, но голодуха не прощается.

Да, головомойка будет важная... вздохнул Федор Елисеич.

Она рассуждать не будет... Ей нет дела до того, что я сознаю свою вину, что я глубоко несчастлив... Какое ей дело? Женщинам нет до этого дела, особенно если они заинтересованы... Человек страдает, задыхается от стыда, рад пулю пустить себе в лоб, но он виноват, он согрешил, и его бичевать нужно... И хоть бы она хорошо выбранилась или побила, но нет, она встретит тебя равнодушно, молча, неделю целую будет казнить тебя презрительным молчанием, язвить, донимать жалкими словами... Можешь себе представить эту инквизицию.

А ты прощения попроси! посоветовал сослуживец.

Напрасный труд... На то она и добродетельна, чтоб не прощать грешных.

Идя из трактира домой, Николай Максимыч придумывал фразы, какими он ответит жене. Он воображал себе бледное, негодующее лицо, заплаканные глаза, поток язвительных фраз, и его душу наполняло малодушное чувство страха, знакомое школьникам.

Э, плевать! решил он, дернув у своей двери за звонок. Что будет, то будет!

Коли невыносимо станет, уйду. Выскажу ей всё и уйду куда глаза глядят.

Когда он вошел к себе, жена Маша стояла в передней и вопросительно глядела на него.

Пусть она начинает, подумал он, взглянув на ее бледное лицо и нерешительно снимая калоши.

Но она не начинала... Он вошел в гостиную, потом в столовую, а она всё молчала и глядела вопросительно.

Пущу себе пулю в лоб! решил он, сгорая со стыда. Не могу дольше терпеть! Сил нет!

Минут пять ходил он из угла в угол, не решаясь заговорить, потом быстро подошел к столу и написал карандашом на газетном листе: Кутил и получил отставку. Жена прочла, взяла карандаш и написала: Не нужно падать духом. Он прочел и быстро вышел... к себе в кабинет.

Немного погодя жена сидела возле него и утешала:

Перемелется, мука будет, говорила она. Будь мужчиной и не кисни... Бог даст, перетерпим эту беду и найдем место получше.

Он слушал, не верил своим ушам и, не зная, что отвечать, как ребенок, заливался счастливым смехом. Жена покормила его, дала опохмелиться и уложила в постель.

На другой день он, бодрый и веселый, искал уже место, а через неделю нашел его... Пережитая им беда многое изменила в нем. Когда он видит пьяных, то уже не смеется и не осуждает, как прежде. Он любит подавать милостыню пьяным нищим и часто говорит:

Порок не в том, что мы пьянствуем, а в том, что не поднимаем пьяных.

Может быть, он и прав.